

Попытки объяснить длительное сценическое существование «Тщетной предосторожности» делались неоднократно. В середине прошлого века Теофиль Готье считал, что главная прелесть «Тщетной предосторожности» — это прелесть старины. Но такое толкование в корне неверно.

«Тщетная предосторожность» держится на сцене именно потому, что ядро ее сохранило свою свежесть. И дело не только в том, что влияние идей Дидро и других великих французских просветителей XVIII в. отразилось в трактовке сюжета, в обрисовке действующих лиц, в том, что симпатии автора на стороне бедняка Колэна, а не богача Никэза.

Несомненное достоинство этой пьесы в замечательно оптимистическом мажорном звучании, в сверкающей ее жизнерадостности и, наконец, в исключительно удачном построении сценария. Зрителю нет надобности читать печатное либретто, чтобы понять происходящее на сцене. Все понятно без слов. Между тем сюжет многих балетов зритель не в состоянии уловить, даже прочитав подробнейшее либретто.

И если понимать под классикой неувядающие образцы искусства, «Тщетная предосторожность» в подлинном смысле слова классическое произведение.

«Тщетная предосторожность» идет сейчас в Большом театре в постановке А. А. Горского (1871—1924). Впервые этот балет был поставлен им в 1901 г. Тогда Горский перенес на московскую сцену по-